

A black and white movie poster for the film 'Chey'. The background features a man in a suit, James Haddley, looking off to the side. Behind him is a classic car and a grand building with columns. The title 'ЧЕЙЗ' is written in large white letters, and the actor's name 'Джеймс Хэдли' is in red above it. At the bottom, there is a quote in white and the character's name 'Дж. Х. Чейз' in red.

Джеймс Хэдли

ЧЕЙЗ

**ЧЕСТНЕЕ
НЕ БЫВАЕТ**

Я уже не осознавал, что спятил.
Что недобрая натура этой женщины,
ее испорченность доведут меня до беды...

Дж. Х. Чейз

Стив Хармас

Джеймс Чейз

Честнее не бывает

«Азбука-Аттикус»

1973

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Чейз Д. Х.

Честнее не бывает / Д. Х. Чейз — «Азбука-Аттикус»,
1973 — (Стив Хармас)

ISBN 978-5-389-18630-9

Роман Дж. Х. Чейза «Честнее не бывает» из цикла о Стиве Хармase, хитроумном следователе из страхового агентства. В этот раз Хармасу предстоит вести дело о похищении драгоценностей на побережье Флориды, в Парадиз-Сити. Этот райский уголок в высокий сезон наводняют миллионеры вместе со своими женами и подружками, увешанными бриллиантами. А вслед за ними, как мотыльки на свет, летят и жулики всех мастей. Кража алмазов – дело прибыльное, но рискованное. И не только закоренелым преступникам сложно устоять перед блеском камней, поставив на карту свою жизнь.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-18630-9

© Чейз Д. Х., 1973
© Азбука-Аттикус, 1973

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	17
Глава третья	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Дж. Х. Чейз

Честнее не бывает

I HAVE A CHANGE OF SCENE

Copyright © Hervey Raymond, 1973

All rights reserved

© А. С. Полошак, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

* * *

Глава первая

Проблемы начались через месяц после аварии. Запоздалый шок. Доктор Мелиш сказал по-другому, но в его профессиональном жаргоне сам черт ногу сломит. В любом случае он имел в виду запоздалый шок.

За месяц до аварии я, считайте что, не ходил, а летал. С какой стороны ни глянь, жизнь удалась. Взять, к примеру, мою работу. Я трудился как проклятый и наконец получил свое: стал главным по продажам в компании «Льюс и Фремлин». Это, если кто не знает, лучший ювелирный салон в Парадиз-Сити. Мы играем в той же лиге, что «Ван Клифф и Арпельс». Или «Кэрриерз». У нас в городе любая контора – магазин, галерея, бутик драгоценных камней – стремится к званию самой лучшей. Ведь сюда съезжаются на отдых миллионеры. Здесь кинозвезды, толстосумы, снобы и хвастуны всех мастей выставляют напоказ свое богатство.

Итак, «Льюс и Фремлин» – лучшие в своем деле, а я был их ведущим специалистом по бриллиантам. Получал шестьдесят тысяч в год. Городок наш – самый дорогой на побережье Флориды. Но даже здесь шестьдесят тысяч – это вполне себе деньги.

Ездил я на «мерседесе» с откидным верхом, жил в трехкомнатной квартире с видом на море, имел внушительный банковский счет и восемьдесят тысяч в акциях и облигациях.

У меня был полный шкаф одежды, вся отменного качества. Сам я человек рослый, и наружность у меня, по словам окружающих, приятная. А еще я лучше всех в «Кантри-клубе» играл в гольф и сквош. Теперь вы, наверное, понимаете, что стоит за фразой «не ходил, а летал». Хотя стоп. В довершение ко всему у меня была Джуди.

«С чего бы говорить о женщине так, словно она вишенка на торте?» – спросите вы. И я отвечу: Джуди была (обратите внимание на прошедшее время) важнейшим моим приобретением. Черноволосая красавица, смышленная и покладистая. Мы познакомились в «Кантри-клубе». Оказалось, она неплохо играет в гольф. Будь у нее в запасе шесть ударов, она бы меня обставила. Мой обычный результат – «минус один», так что я знаю, о чем говорю. Джуди приехала в Парадиз-Сити из Нью-Йорка собрать материал для жизнеописания судьи Сойера. Она миглом освоилась у нас и завела нужные знакомства. Не прошло и пары недель, как Джуди влилась в жизнь клуба. Через месяц, сыграв с ней партий тридцать, я понял: вот она, женщина моей мечты. Потом она рассказывала, что увидела во мне мужчину своей мечты значительно раньше. Мы обручились.

Мой босс, Сидни Фремлин, был одним из тех необычайно отзывчивых гомосексуалистов, чья доброта не знает границ. Конечно, если вы ему по душе. Услышав о помолвке, он заявил, что закатит вечеринку в нашу честь. Сидни обожал вечеринки. Сказал, что возьмет финансовую сторону вопроса на себя. Вечеринка будет в клубе, и на нее приглашены решительно все. Я не видел смысла устраивать торжество, но Джуди эта мысль понравилась, и я согласился.

Сидни знал, что я разбираюсь в бриллиантах лучше любого ювелира. Без меня котировки конторы просядут: так падают высокие стандарты мишленовского ресторана, когда увольняется шеф. Клиентам я нравился, они обращались ко мне за советом, и Сидни меня ценил. А если Сидни кого-то ценит, он готов сделать для этого человека что угодно.

Это было месяц назад. Вспоминать о том вечере – все равно что, обезумев от боли, расшатывать ноющий зуб.

Часов в семь вечера Джуди пришла ко мне в квартиру. Вечеринка начиналась в девять, но мы договорились встретиться пораньше. Хотели обсудить, какой дом купим после свадьбы. Вариантов было три: особнячок с большим садом, пентхаус и деревянное шале за городом. Я настаивал на пентхаусе, но Джуди склонялась к особнячку. Ей хотелось сад. Где-то час мы взвешивали все «за» и «против». Наконец Джуди убедила меня, что сад необходим.

– Когда появятся детишки, Ларри, без сада не обойтись.

Я тут же набрал номер нашего риелтора Эрни Траули и сказал, что завтра внесу залог за особнячок.

Окрыленные, мы вышли из квартиры и поехали в «Кантри-клуб». В миле от города мой уютный мирок треснул по швам. Вылетев с поворота на шоссе, потрепанный «кэджи» врезался в наш «мерс», как эсминец в подводную лодку. Я видел машину с перепуганным парнишкой за рулем, но не мог ничего сделать. Удар отбросил нас на обочину. Я подумал, как там Джуди, и отключился.

Придя в сознание, я снова подумал о Джуди. Оказалось, я в больнице Джефферсона: лежу в шикарной палате, за которую платит Сидни Фремлин. А вот и он – сидит у моей кровати и рыдает в шелковый носовой платок.

Раз уж мы заговорили о Сидни, надо бы его описать. Это был высокий и стройный мужчина, длинноволосый блондин, а возраст – от тридцати до пятидесяти. Экспрессивный добряк, Сидни всем нравился. Был очень талантлив и умел создавать необычные украшения. Финансовой стороной дела занимался его партнер, Том Льюс. Этот не смог бы отличить бриллиант от горного хрусталя, но знал, как сделать из одного доллара два. Считалось, что Фремлин и Льюс – богачи. А если в Парадиз-Сити вас сочтут богачом, извольте соответствовать. Пока дородный пятидесятилетний Льюс с лицом, похожим на бульдожью морду, орудовал за кулисами, Сидни сидел у себя в кабинете, придумывая новые безделушки, а в свободное время порхал по торговому залу. Всех старых клуш я направлял к нему. Эти дамочки были без ума от Сидни. Но молоденькие богачки, состоятельные бизнесмены в поисках уникального подарка, наследники, желающие оценить бабушкины камни или вставить их в новую оправу, – такие шли прямиком ко мне.

Гомосексуалисты – странное племя, но я с ними уживаюсь. На самом деле они гораздо более талантливы, приятны в общении и надежны, чем большинство «настоящих» мужчин нашего процветающего городка. Разумеется, есть и неприглядная сторона медали: вспышки ревности, сумасбродный характер, любовь к сплетням и такая стервозность, что ни одной женщине и не снилась. У Сидни был полный набор достоинств и недостатков, свойственных любому гомику. Он мне нравился, и мы неплохо ладили.

Так вот, макияж Сидни размыло слезами, а глаза его были как озера, полные отчаяния. Дрожащим голосом он сообщил мне новости: Джуди умерла на операционном столе.

По его словам, мне повезло. Я отделался сотрясением и некрасивой ссадиной на лбу. Через несколько дней снова буду здоров как лошадь.

Так и сказал: «Здоров как лошадь».

Уж такая у него была манера выражаться. В свое время Сидни учился в английской частной школе, но получил под зад коленом, когда надумал соблазнить физрука.

Значит, он сидит рядом и рыдает. Я и сам бы не прочь заплакать, да не могу. Когда я влюбился в Джуди, то решил: буду рядом с ней отныне и во веки вечные. И в этот миг во мне поселилось счастье, хрупкое, словно куриное яйцо. Такие штуки всегда хрупкие. Но я надеялся, что счастье еще не скоро сменится горем. Когда Сидни сказал, что Джуди умерла, я почувствовал, что скорлупа моего счастья треснула и разноцветный мир вмиг сделался черным.

Через три дня я встал на ноги, но слова «здоров как лошадь» были не про меня. Похороны дались мне тяжело. Проводить Джуди явились все члены «Кантри-клуба». Из Нью-Йорка приехали ее родители, мать с отцом. Их я почти не помню, но люди вроде милые. Мать оказалась похожа на Джуди, и это меня сильно расстроило. Я был рад вернуться домой. За мной увязался Сидни. Я молил всех богов, чтобы меня оставили в покое, но Сидни никак не уходил. Когда вспоминаю тот момент, думаю, что его присутствие мне, пожалуй, помогло. Наконец около десяти вечера он со свойственным ему изяществом поднялся на ноги и сказал, что пойдет домой.

– Возьми месяц отпуска, Ларри, – добавил он. – Поиграй в гольф. Съезди куда-нибудь. Приди в себя. Джуди уже не вернешь. Что поделывать, нужно жить дальше. Поезжай в отпуск. Потом возвращайся и ныряй в работу.

– Вот завтра и нырну, – сказал я. – Спасибо за все.

– Никаких «завтра»! – Он даже ногой топнул. – Вернешься через месяц, и это приказ!

– Ни хрена! Я намерен работать, и попробуй мне помешать! Завтра увидимся.

Такое решение казалось разумным. Какой тут гольф, если в голове ничего, кроме Джуди? Даже если пройду пар-3 с одного удара, мне будет плевать. За время пребывания в больнице я все обдумал.

Счастье мое разбилось, как куриное яйцо. Чем раньше вернусь к продаже бриллиантов, тем лучше. Я был само благоразумие. Говорил себе: такое бывает сплошь и рядом. Любимые умирают. Люди строят планы, городят воздушные замки. Даже звонят риелтору, собираясь купить особнячок. А потом что-то идет не так, и все планы рушатся в хлам. И это случается каждый божий день. С какой стати себя жалеть? Я встретил женщину своей мечты, мы строили планы на будущее, она умерла. Мне тридцать восемь лет. Если в меру повезет, еще полжизни впереди. Убеждал себя: нужно собраться, работать дальше. Может, потом встречу кого-то вроде Джуди. Женюсь.

В глубине души я знал, что тешу себя напрасными надеждами. Никто не сможет заменить Джуди. Она была одна такая. Отныне мне суждено сравнивать с ней всех остальных девушек, и у них попросту не будет шансов.

В любом случае я заклеил лоб пластырем и явился в торговый зал, делая вид, что ничего не случилось. Все остальные тоже делали вид, что ничего не случилось. Друзья – а их у меня было немало – пожимали мне руку чуть крепче обычного. Вели себя в высшей степени тактично и делали вид, что никакой Джуди никогда не было.

Хуже всего мне давалась работа с клиентами. Они говорили со мной вполголоса, отводя взгляд. Никто не развлекал себя попытками сбить цену; напротив, любое мое предложение принималось как должное.

Вокруг порхал Сидни, изо всех сил стараясь отвлечь меня от мрачных мыслей. Выбегал из кабинета с эскизами и спрашивал, что я думаю (раньше такое за ним не водилось). Выслушивал мои соображения и снова убегал с глаз долой. А через час все повторялось по новой.

Вторым менеджером торгового зала был Терри Мелвилл. Отучившись в лондонском филиале «Картье», он стал крупным специалистом по ювелирным делам. Невысокий, поджарый гомик с длинными волосами, выкрашенными в пепельный цвет, темно-синими глазами и заостренным узким носом. Рот у него был как резаная рана. Какое-то время назад Сидни запал на Терри и привез его в Парадиз-Сити, но теперь чувства Сидни поостыли. Терри терпеть меня не мог: ведь я лучше его разбирался в бриллиантах. Ну а мне действовал на нервы его злобный завистливый нрав и мелочные попытки увести моих клиентов. А еще Терри бесился, что Сидни балует меня своим вниманием, хоть я и натурал. Они постоянно ругались. Уверен, что Сидни давно бы выгнал Терри, если бы тот не был высококлассным специалистом. Допускаю также, что у Терри был компромат на Сидни.

Я пришел через несколько минут после того, как ночной сторож Сэм Гобл открыл магазин. Терри уже был на месте.

– Какая жалость, Ларри. Но могло быть и хуже. Ты тоже мог умереть, – сказал он.

Глаза его злорадно блеснули, и мне сильно захотелось его стукнуть. Я видел: он рад моему горю.

Кивнув, я прошел на рабочее место. Джейн Барлоу, моя секретарша – полная, но изящная женщина сорока пяти лет, – принесла почту. Мы переглянулись. Взгляд ее был печальным. Она попыталась улыбнуться, и меня пронзила боль. Коснувшись ее руки, я сказал:

– Бывает, Джейн. Ничего не говори. Тут нечего сказать. И спасибо за цветы.

Итак, вокруг меня увивался Сидни, клиенты говорили вполголоса, а Терри со своего места прожигал меня злобным взглядом. День оказался непростой, но я справился.

Сидни приглашал меня поужинать, но я отказался. Рано или поздно придется встать лицом к лицу с одиночеством. Чем раньше, тем лучше. Последние два месяца мы с Джуди всегда ужинали вместе: то у меня, то у нее. Теперь же все резко оборвалось. Я задумался, не поехать ли в «Кантри-клуб», но решил, что хватит с меня безмолвного сочувствия. Купил бутерброд, пришел домой и сидел один, вспоминая Джуди. Конечно, не лучший вариант. Но выход в люди дался мне труднее, чем я рассчитывал. Я сказал себе, что через пару-тройку дней все наладится. Однако ничего не наладилось.

В той аварии разбилось не только мое счастье. Поймите правильно: я не ищу оправданий. Лишь пересказываю выводы мозгоправа, к которому мне пришлось обратиться. Я верил, что смогу выбраться из этой ямы, но психика моя серьезно пострадала. Это стало понятно не сразу, а мозгоправ объяснил: такое поведение обусловлено психологической травмой.

Не вижу смысла вдаваться в подробности.

Суть в том, что за следующие три недели я очень сдал: и физически, и духовно. У меня пропал интерес к вещам, до поры до времени заполнявшим мою жизнь. Работа, гольф, сквош, одежда, общение с людьми, даже деньги... все потеряло смысл.

Хуже всего, конечно, обстояли дела на работе. Я начал допускать ошибки: поначалу мелкие, а потом все более серьезные. Оказалось, меня совершенно не волнует, что Джонсу нужен платиновый портсигар с рубиновыми инициалами новой любовницы. Портсигар я устроил, а про инициалы забыл. Еще я забыл, что миссис Ван Слай хотела подарить своему шалопаю-племяннику золотые часы с календарем. Часы я ему отправил, но без календаря. Миссис Ван Слай влетела в магазин, словно галеон на полном ходу, и осыпала Сидни такой бранью, что бедняга чуть не разрыдался. Рассказываю это, чтобы вы поняли цену моих ошибок. За три недели я наделал их множество: можете назвать это рассеянностью, или как вам угодно. Из-за меня Сидни получил нагоняй, а Терри тихо злорадствовал.

И еще одно: Джуди всегда следила за чистотой моей одежды. Теперь я забывал ежедневно менять рубашку. Кому какое дело? Раньше я стригся раз в неделю. Теперь же, впервые за долгое время, у меня на загривке появился пушок. Кому какое дело? И так далее и тому подобное.

Я перестал играть в гольф. Кому, черт побери, охота запускать белый мячик в голубое небо, а потом идти следом? Разве что безумцу. Сквош? О нем я почти забыл.

После аварии прошло три недели. Я сидел на месте и тупо пялился на крышку стола. Тут из кабинета появился Сидни. Он подошел ко мне и спросил, есть ли у меня минутка.

– Одна минутка, Ларри... Не больше.

Я почувствовал угрызения совести. В лотке входящих с самого утра лежала кipa писем и заказов. Было три часа, а я на них даже не взглянул.

– Мне нужно просмотреть почту, Сидни. Что-то важное?

– Да.

Поднявшись на ноги, я глянул в другой конец торгового зала – туда, где сидел Терри.

Он не сводил с меня глаз. На его красивом лице застыла презрительная ухмылочка. Лоток входящих у него на столе был пуст. Как ни крути, а Терри работающий парень.

Сидни направился к себе в кабинет. Я пошел следом. Сидни прикрыл дверь так, словно она была сделана из яичной скорлупы.

– Садись, Ларри.

Я сел.

Сидни заметался по огромной комнате, словно мотылек в поисках свечи. Я решил ему помочь:

– Что тебя тревожит, Сидни?

– Ты. Ты меня тревожишь. – Он резко остановился и устремил на меня печальный взгляд. – Хочу попросить о необычной услуге.

– О какой?

Он снова заметался по кабинету.

– Бога ради, сядь! – велел я. – Что такое?

Сидни метнулся к столу и уселся. Вынув шелковый носовой платок, он начал вытирать лицо.

– Что такое? – повторил я.

– Не получилось, Ларри. Ведь так? – спросил он, глядя куда-то в сторону.

– Что не получилось?

Спрятав платок, он взял себя в руки, поставил локти на полированную столешницу и старательно заглянул мне в глаза:

– Хочу попросить тебя об одолжении.

– Ты повторяешься. Что за одолжение?

– Будь добр, сходи к доктору Мелишу.

Ударь он меня по лицу, я бы удивился меньше. Отпрянув, я растерянно смотрел на Сидни.

Доктор Мелиш – самый популярный в городе психотерапевт. И самый дорогой. Если учесть, что у нас на полсотни горожан приходится один мозгоправ, это о многом говорит.

– Что ты имеешь в виду?

– Сходи к нему, Ларри. Я оплачу счет. Думаю, тебе нужно с ним побеседовать. – Я начал было протестовать, но он предупреждающе поднял руки. – погоди. Дай я кое-что скажу. – Помолчав, Сидни продолжил: – Помнишь, я говорил, что ты будешь здоров как лошадь? Так вот, я ошибся. Знаю, каково тебе пришлось. Знаю, что утрата оставила ужасный след в твоей душе. И все понимаю. Я бы такого не пережил. Здорово, что ты сделал над собой усилие и вернулся на работу. Но ничего не получилось. Сам же понимаешь. Верно, Ларри? – Он с мольбой смотрел на меня. – Ведь понимаешь?

Я потер подбородок тыльной стороной ладони и оцепенел от скрежета щетины. Черт возьми! Забыл побриться! Вскочив, я подошел к большому зеркалу, в которое так любил смотреться Сидни. Взглянул на свое отражение, и мне сделалось дурно. Посмотрел на манжеты, затем перевел взгляд на туфли, которые не протирал уже пару недель.

Медленно вернувшись к креслу, я сел. Сидни пристально смотрел на меня. На его добром лице читалась тревога, и я понял, как сильно он волнуется. Я еще не совсем рехнулся и мог поставить себя на его место. Вспомнил все свои косяки последних недель. Задумался о своем внешнем виде. Несмотря на самоуверенность и напускную храбрость, здоровым как лошадь я не был.

Сделав медленный, глубокий вдох, я произнес:

– Слушай, Сидни. Не пойду я к Мелишу. Лучше уволюсь. Ты прав. Что-то пошло не так. Уйду, к чертовой матери, из конторы, и Терри получит свой шанс. Он нормальный парень. Обо мне не беспокойся. Бери с меня пример: я же перестал о себе беспокоиться.

– Ты лучший специалист по бриллиантам, – тихо сказал Сидни. Теперь он полностью владел собой и перестал метаться. – Я не позволю тебе уйти. Мне это не по карману. Тебе нужна помощь, и доктор Мелиш сможет тебя подлатать. Теперь послушай, Ларри. В прошлом я много для тебя сделал. Надеюсь, ты считаешь меня своим другом. Настало время вернуть должок. Я хочу, чтобы ты сходил к Мелишу. Уверен, за пару-тройку месяцев он тебе поможет. Да хоть за год, мне без разницы. Место останется за тобой. Ты же знаешь, как я тебя ценю. Повторю: ты лучший специалист по бриллиантам в ювелирном бизнесе. Пережил жуткое потрясение, но это можно исправить. Сделай для меня хоть такую малость. Отправляйся к Мелишу.

И я отправился к Мелишу. Сделал для Сидни «хоть такую малость».

До первой консультации я не верил, что доктор Мелиш, тощий лысеющий коротышка с пронизательным взглядом, способен мне помочь. Сидни ввел его в курс дела, так что доктору было известно, что со мной приключилось. Он знал о Джуди и моей реакции на ее смерть.

Вдаваться в подробности незачем. После трех консультаций доктор вынес вердикт: мне требуется полная смена обстановки. Нужно уехать из Парадиз-Сити по меньшей мере на три месяца.

– Насколько я понимаю, после той аварии вы не в состоянии ездить на автомобиле, – сказал Мелиш, протирая очки. – Вам необходимо снова сесть за руль. Проблема в том, что вы рассматриваете свою потерю как нечто уникальное. – Я собрался возразить, но он поднял руку. – Знаю, вам не хочется это признавать, но дело обстоит именно так. Советую пообщаться с людьми, чьи проблемы посерьезнее ваших. Сможете взглянуть на ситуацию под новым углом. В Люсвилле у меня живет племянница. Она занимается социальной работой с малоимущими, и ей нужна помощь волонтеров. Поезжайте в Люсвилл, поработайте с беднотой. Я уже обо всем договорился. Буду предельно честен. Когда я сообщил о вас племяннице, она сказала, что не готова работать с психически нестабильным человеком. Да, ей очень нужен помощник, но сносить чужие жалобы она не намерена. Я заверил ее, что вы готовы помогать ей. И не добавите проблем. Убедить ее было непросто. Теперь решение за вами.

Я покачал головой:

– От меня ей такая же польза, как от лишней дырки в голове. Нет, это дурацкая идея. Я что-нибудь подыщу. Хорошо, уеду на три месяца. Я...

Мелиш покрутил в руках очки.

– Племяннице нужна помощь, – повторил он, пристально глядя на меня. – Разве вы не хотите помогать другим людям? Или решили, что отныне люди обязаны помогать вам?

Вопрос был поставлен так, что не отвертеться. В конце концов, чем я рискую? Пока буду поправлять здоровье, Сидни продолжит платить мне зарплату. Убраться из торгового зала, подальше от негромких сочувственных фраз, от Терри с его злорадной ухмылкой... Может, это и правда мысль. По крайней мере, что-то новенькое. Как же мне хотелось чего-нибудь новенького!

– Но я ничего не смыслю в социальной работе, – беспомощно сказал я. – От меня будет больше вреда, чем пользы.

Мелиш взглянул на часы. Я понял, что его мысли заняты следующим пациентом.

– Если племянница говорит, что найдет вам применение, не сомневайтесь: так оно и будет, – терпеливо произнес он. – Ну как, попробуете?

Почему бы и нет? Пожав плечами, я сказал, что поеду в Люсвилл.

Для начала я купил «бьюик» с откидным верхом. Поездка домой далась мне непросто. Добравшись до места, я весь дрожал и обливался потом. Минут пять просидев за баранкой, я заставил себя снова выехать на оживленный проспект, прокатился по Морскому бульвару, а потом снова вернулся к дому по главной улице. На этот раз я не дрожал и не потел.

Сидни пришел проводить меня.

– Через три месяца, Ларри, – сказал он, пожимая мне руку, – ты вернешься. И останешься лучшим специалистом по бриллиантам. Удачи, и да хранит тебя Бог.

Итак, я набил чемодан одеждой и отправился в Люсвилл, не зная, что меня ждет.

Доктор Мелиш может собой гордиться: уж что-что, а обстановку я сменил в полной мере.

Люсвилл находится в пяти сотнях миль от Парадиз-Сити. Оказалось, это крупный промышленный город, всегда окутанный облаком смога. По большей части там перерабатывают известняк. Если вдруг не знаете, из него делают известь, цемент и материалы для строительства дорог. Так уж вышло, что во Флориде это основная промышленная отрасль.

Ехал я не спеша и через два дня добрался до города. Оказалось, я начал нервничать за рулем. Вздрагивал каждый раз, когда мимо проносилась машина. Но тем не менее не останавливался. Переночевал в убогом мотеле. Наконец около одиннадцати я въехал в Люсвилл, совершенно измотанный и весь на нервах.

Едва я оказался в городских предместьях, как на кожу начала оседать цементная пыль. Я тут же почувствовал себя невымытым и каким-то шершавым. Пыль запорошила ветровое стекло автомобиля. Солнца не было. Никакое солнце не способно одолеть то цементное облако смога, что висело над городом. По обеим сторонам дороги, ведущей в центр, стояли известковые фабрики. Из-за шума камнедробилок казалось, что вдалеке грохочет гром.

Доктор Мелиш советовал остановиться в «Бендикс-отеле». Сказал, это лучшая гостиница в городе. «Бендикс-отель» располагался в переулке рядом с главной улицей и выглядел весьма печально. Стеклопакеты были покрыты цементной пылью, в фойе стояли продавленные бамбуковые кресла, а стойкой регистрации служил обыкновенный стол. За ним на доске рядом висели ключи.

За столом восседал чудовищно толстый высокий мужчина с внушительными бакенбардами. Казалось, он побывал на поле боя и теперь зализывал раны.

Не суетясь и не выказывая интереса, он записал мое имя в журнал регистрации. Цветной парнишка печального вида, схватив чемодан, проводил меня на третий этаж, в номер с видом на многоквартирный дом. Когда мы поднимались, лифт страшно скрипел, дрожал и дергался. Я уж думал, не доедем.

Четыре стены, потолок, туалет и душ – вот и все, что было в номере.

Ничего не скажешь: смена обстановки.

Люсвилл отличался от Парадиз-Сити, как раздолбанный «шеви», побывавший в руках у пары-тройки хозяев, отличается от «роллса». И это, пожалуй, еще мягко сказано.

Разобрав чемодан, я развесил одежду в шкафу, разделся и принял душ. Вступив с собой в жесткую борьбу, надел чистую белую рубашку и один из лучших своих костюмов. Глянул в засиженное мухами зеркало и почувствовал едва заметный прилив уверенности в себе. По крайней мере, я снова стал похож на человека с положением, пусть слегка измученного, но определенно имеющего вес в обществе. Просто удивительно, как дорогой костюм, белая рубашка и хороший галстук способны изменить облик мужчины. Даже такого, как я.

Доктор Мелиш дал мне телефон своей племянницы и сказал, что ее зовут Дженни Бакстер. Я позвонил, но мне никто не ответил. Слегка раздраженный, я минут пять походил по комнате, а потом позвонил еще раз. И снова мне никто не ответил. Шагнув к открытому окну, я выглянул на улицу. Там суетилась целая толпа народу: бедного и по большей части весьма неопрятного вида. В основном женщины, бегающие по магазинам. Еще на улице было полно детей, и всем им не помешали бы водные процедуры. Многочисленные машины были покрыты цементной пылью. Позже я узнал, что пыль занимает первое место в списке злейших врагов города, опередив даже скуку, которой пришлось сдвинуться на вторую строчку.

Я снова набрал номер Дженни Бакстер. На этот раз в трубке раздался запыхавшийся женский голос:

– Аллю?

– Мисс Бакстер?

– Да.

– Это Лоренс Карр. Ваш дядюшка, доктор Мелиш... – Я помолчал. Она или знает обо мне, или нет.

– Да, конечно. Где вы?

– В «Бендикс-отеле».

– Прошу, подождите часок. Я приеду.

Хоть женщина и не могла отдышаться, словно только что взлетела на шесть лестничных пролетов – а позже я узнал, что так и было, – говорила она звонко и энергично.

У меня не было настроения торчать в унылом номере.

– Может, я сам приеду? – спросил я.

– Да, замечательно. У вас есть адрес?

Я сказал, что есть.

– Тогда приезжайте, когда вам удобно. – Она повесила трубку.

С третьего этажа на первый я спустился пешком. Нервы все еще были ни к черту, и я опасался, что скрипящий лифт меня доконает. Чернокожий паренек рассказал, куда ехать. Мэддокс-стрит находилась в пяти минутах ходьбы. Возле гостиницы был дефицит парковочных мест, так что я решил прогуляться.

Шагая по главной улице, я понял, что все взгляды прикованы к моей персоне. Постепенно до меня дошло, что люди дивятся на мой наряд. На главной улице Парадиз-Сити у дорогого костюма полно конкурентов. Вы попросту обязаны хорошо выглядеть. Здесь же навстречу мне из смога выползали какие-то оборванцы.

Дженни Бакстер была у себя в кабинете: в крошечной комнатухе на шестом этаже ветхого строения без лифта. Я с трудом взобрался по лестнице, чувствуя, как цементная пыль натирает кожу под воротничком. Смена обстановки? Да, Мелиш подобрал мне просто волшебный вариант.

Дженни Бакстер было тридцать три года. Высокая, под шесть футов, смуглая, с неряшливой копной черных волос, собранных в пучок на макушке; казалось, этот пучок может развалиться в любой момент. И худенькая. Я привык к красоткам Парадиз-Сити, и по моим стандартам фигура Дженни была малопривлекательной. Вместо груди – два крошечных холмика, вряд ли способные взбудоражить мужской интерес. Казалось, Дженни недоедает. Одета она была в тусклое серо-коричневое платье. Думаю, сшитое собственноручно: крой был ужасный, и висело оно на ней, как на швабре. Черты лица у нее были приятные. Нос и губы – так вообще замечательные. Но что меня зацепило, так это ее глаза: искренние и пронизательные, как у дядюшки. Интересные глаза.

Когда я вошел в комнатку, Дженни заполняла какой-то желтый бланк. Оторвавшись от писанины, женщина внимательно посмотрела на меня.

Я неуверенно топтался в дверях. Что я, черт возьми, здесь забыл?

– Ларри Карр? – Голос у нее был низкий, глубокий. – Проходите.

И тут зазвонил телефон. Указав на единственный свободный стул, Дженни сняла трубку. Ее реплики по большей части состояли из холодных, отрывистых «да» и «нет». Похоже, она была мастерица осадить собеседника и направить разговор в нужное русло.

Наконец Дженни положила трубку, воткнула карандаш в пучок волос, взглянула на меня и улыбнулась. Улыбка превратила ее в совершенно другого человека. Открытая, чудесная, теплая – не улыбка, а сама доброта и дружелюбие.

– Простите. Все звонят и звонят. Значит, хотите мне помочь?

Я уселся.

– Если смогу. – Неужели я говорю серьезно?

– Тогда наденьте что-нибудь попроще.

Я вымученно улыбнулся:

– Простите, я не виноват. Ваш дядюшка меня не предупредил.

Дженни кивнула:

– Он замечательный человек, но о мелочах не думает. – Отодвинувшись, она еще раз смерила меня внимательным взглядом. – Он все мне рассказал. Не вижу смысла юлить. Мне известно о вашей беде, и я вам сочувствую. Но у меня множество собственных проблем, и о чужих переживать некогда. Дядя Генри сказал, что вам нужно привести в порядок голову. Это

ваша проблема, так что решать ее будете сами. – Она улыбнулась, положив ладони на истертый гроссбух. – Прошу, поймите меня правильно. В этом жутком городе есть чем заняться. И полно людей, которые нуждаются в поддержке. Мне требуется помощь, и у меня нет времени на сострадание.

– Я приехал помочь. – Как я ни старался, голос мой прозвучал негодующе. За кого она меня принимает? – Можете меня нагрузить.

– Говорите, приехали помочь? Что-то мне не верится, – заметила она.

– Да, именно так. Приехал помочь. Чем мне заняться?

Дженни достала из стола мятую пачку сигарет и предложила мне закурить.

Я вынул золотой портсигар – подарок от Сидни на мой прошлый день рождения. Обошелся в полторы тысячи долларов. Я гордился этим портсигаром. Он вызывал оторопь даже у некоторых моих клиентов. Специфическая вещь. Можно сказать, символ статуса.

– Покурим мои? – спросил я.

Дженни взглянула на блестящий портсигар, а потом снова на меня:

– Он и правда золотой?

– Этот? – Я повертел портсигар в руках, чтобы женщина как следует его рассмотрела. – Ах да, конечно.

– Но он же стоит бешеных денег.

Цементная пыль под воротничком сделалась чуть более шершавой.

– Полторы тысячи долларов. Это подарок. – Я протянул ей портсигар. – Угощайтесь.

– Нет, спасибо. – Выудив сигарету из мятой пачки, она с трудом отвела взгляд от портсигара. – Вы с ним поосторожнее. Могут украсть.

– А что, здесь воруют?

Кивнув, Дженни прикурила от золотой зажигалки. Ее мне подарил какой-то клиент.

– Полторы тысячи долларов? За такие деньги я могла бы целый месяц кормить десяток моих семей.

– У вас десять семей? – Я убрал портсигар в задний карман брюк. – Правда?

– У меня две тысячи пятьсот двадцать две семьи, – невозмутимо ответила Дженни.

Достав из выдвижного ящика план городских улиц, она положила его на потертый стол, прямо передо мной. Карта была расчерчена фломастером на пять секторов. Каждый сектор помечен своей цифрой.

– Чтобы вы понимали, во что ввязываетесь, – продолжила Дженни. – Сейчас все объясню.

Оказалось, в социальной службе работают пять человек. Каждый отвечает за свой сектор. Дженни достался худший. Взглянув на меня, она улыбнулась:

– Никто не хотел сюда соваться, поэтому пришлось взять на себя. Работаю здесь уже два года. Моя задача – помогать, но только если помощь действительно необходима. В моем распоряжении скудный фонд, но денег вечно не хватает. Хожу по семьям. Пишу отчеты. Данные из отчетов наносят на карту. – Она хлопнула ладонью по сектору номер пять. – Вот мой участок. Почти четыре тысячи человек, включая детей. Ну как, детей... после семи лет они уже детьми не считаются. Вот. – Карандаш переместился от сектора номер пять к границе города. – Здесь женская тюрьма штата Флорида. Место сложное: условия невыносимые, клиенты буйные. В основном сидят подолгу. Почти все – закоренелые преступницы. Посетителей туда стали пускать только три месяца назад, когда я убедила руководство, что смогу быть полезной.

Тут зазвонил телефон. Дженни снова переключилась на отрывистые «да» и «нет». Наконец она повесила трубку и как ни в чем не бывало продолжила:

– Я имею право взять одного помощника на общественных началах. Бывает, люди вызываются добровольно. Например, вы. Вам придется содержать картотеку в порядке, сидеть на телефоне, решать срочные вопросы, с которыми я не справлюсь самостоятельно, и печатать

отчеты, если сможете разобрать мой почерк. Предупреждаю, он у меня отвратительный. По сути, будете моим заместителем, когда меня нет на месте.

Я поерзал на неудобном стуле. О чем только думал Мелиш, черт его дерит? Или он ничего не знал? Здесь нужна энергичная девица, знакомая с делопроизводством.

Это однозначно не для меня.

Так я и сказал. Старался выражаться вежливо, но в голосе все равно слышалось раздражение.

– Девица с такой работой не справится, – заметила Дженни. – Мой прошлый волонтер был бухгалтером на пенсии. Шестьдесят пять лет. Никаких дел, кроме гольфа и бриджа. Хотел приносить пользу. Просто вцепился в этот шанс. Продержался две недели. И я его не виню.

– Работа наскучила?

– Нет, не наскучила. Он испугался.

Я изумленно смотрел на нее:

– Испугался? То есть слишком большой объем?

Дженни дружелюбно улыбнулась:

– Нет. Он был трудоголик. Прекрасно справлялся. Впервые привел мои бумажки в настоящий порядок. Его выбили из седла посетители. – Она кивнула на дверь крошечного кабинета. – Скажу без обиняков, Ларри. Этот сектор терроризирует банда подростков. В полиции она известна как банда Джинкса. Человек тридцать, возрастом от десяти до двадцати лет. Главарь зовет себя Жупелом Джинксом. Изображает эдакого мафиозо. Очень злобный, чрезвычайно опасный. Остальные ребята перед ним пресмыкаются. Полиция ничего не может с ним поделать: слишком хитер. Копы не раз ловили других малолеток, но Жупел всегда от них ускользает. – Помолчав, Дженни продолжила: – По его мнению, я сую нос в чужие дела. Думает, сливаю информацию копам. Убежден, что все те люди, которым я пытаюсь помочь, должны справляться без моей помощи. Видит в родителях побирушек – что он, что его ребята. А их старики всего лишь принимают то, что мне удастся собрать: молоко для детей, одежду, уголь, ну и так далее. Еще я подсказываю, как выкроить деньги на квартплату, купить что-то в рассрочку, вникаю во все их проблемы, которыми они со мной делятся. Жупел считает, что я лезу не в свое дело, и портит мне жизнь. Время от времени сюда заходят его ребята. Пытаются меня запугать.

Снова дружелюбная улыбка.

– Конечно, в моем случае этот номер не пройдет. Но волонтеры боятся их как огня.

Я недоверчиво слушал, но смысл ее слов ускользал от меня.

– Похоже, я вас не вполне понимаю, – наконец сказал я. – То есть вашего бухгалтера напугали так, что он все бросил? И это сделал ребенок? Как ему это удалось?

– Он умеет убеждать. Не забывайте, работа не оплачивается. Мой друг-бухгалтер все объяснил. Он уже немолод. И не готов выслушивать угрозы на рабочем месте.

– Угрозы?

– Обычное дело. Не уйдешь сам – встретим темной ночью и поможем. Повторяю, это злобные детишки. – Внезапно ее лицо сделалось серьезным. – А у него жена и неплохой дом. Вот он и решил уйти.

В животе у меня что-то перевернулось. Я много чего слышал о малолетних преступниках. В конце концов, все мы читаем газеты.

Идешь, к примеру, темным вечером, а тебя поджидает банда дьяволят. Игра без правил. Пнут в лицо – растеряешь последние зубы. Пнут в пах – останешься импотентом.

Неужели такое может случиться и со мной?

– Вам не обязательно тут работать, – сказала Дженни. Казалось, она читает мои мысли. – Дядя Генри о мелочах не думает. По-моему, я это уже говорила, верно?

– Давайте все проясним, – предложил я. – То есть вы хотите сказать, что, если я останусь тут, детишки во главе с этим Жупелом станут мне угрожать?

– О да. Рано или поздно так и будет.

– Эти угрозы – не пустые слова?

– Боюсь, что нет, – сказала Дженни, потушив сигарету.

Вот тебе и смена обстановки.

На какое-то время я задумался и внезапно понял, что за время разговора ни разу не вспомнил о Джуди. Впервые с момента аварии. Может, пинок в лицо – или даже в пах – тоже повлечет за собой перемены к лучшему.

– Когда можно приступить? – спросил я.

От ее улыбки мне сделалось тепло.

– Спасибо. Начнем, как только купите толстовку и джинсы. И пожалуйста, не светите вашим прелестным портсигаром. – Дженни встала. – Мне нужно бежать. Вернусь в четыре. Расскажу о документации и правилах ведения картотеки. И все, вы в деле.

Спустившись по шести лестничным пролетам, мы вышли на улицу. Я проводил Дженни до присыпанного цементом «Фиата-500». Прежде чем завести мотор, она сказала:

– Спасибо, что согласились. Думаю, мы сработаемся. – Какое-то время она смотрела на меня сквозь крошечное боковое окно. – Я правда вам сочувствую. Все наладится. Просто наберитесь терпения. – И уехала.

Стоя на краю тротуара, я чувствовал, как на мне оседает цементная пыль, а жаркий, влажный воздух тут же превращает ее в шершавый пот. Дженни мне понравилась. Не сходя с места, я думал, во что ввязался. Интересно, меня легко напугать? Не знаю. В свое время пойму.

Я пошел по узенькой шумной улице в сторону главной улицы. Пора было подыскать себе джинсы и толстовку.

Понятия не имею, как случилось то, что случилось.

Внезапно на меня налетел чумазый оборвыш лет девяти. Я едва устоял на ногах, а он сложил губы трубочкой, издал громкий неприличный звук и был таков.

Вернувшись в «Бендикс-отель», я обнаружил, что мой красивый пиджак разрезан бритвой, а золотой портсигар исчез.

Глава вторая

Переодевшись в толстовку и джинсы, я отправился в отделение полиции, чтобы заявить о пропаже портсигара. Удивительно, но я совсем не огорчился, что его украли. Однако я знал, что Сидни очень расстроится, и поэтому решил: нужно вернуть портсигар. Хотя бы попытаться.

В приемной, пропахшей немытыми ногами, лежал, как и везде, толстый слой цементной пыли. На длинной скамейке у стены сидело человек десять детей: все чумазые, оборванные, угрюмые. Они внимательно смотрели, как я иду к дежурному сержанту.

Сержант был человек необъятных размеров, с лицом, похожим на шмат сырой говядины. Пиджака на нем не было, а пот, скатываясь по лицу, собирался в складках толстой шеи, где смешивался с цементной пылью. Сержант был занят тем, что катал карандаш по регистрационному журналу. Когда я подошел, он слегка привстал, чтобы выпустить газы.

Дети на скамейке захихикали.

Я рассказывал про портсигар, а сержант все катал свой карандаш. Затем он внезапно поднял взгляд, и его пороссячи глазки прожгли меня, словно паяльная лампа.

– Вы приезжий? – сипло спросил он. Такой голос бывает у любителей срываться на крик.

Я сказал, что да, только что приехал. Буду помогать мисс Бакстер из социальной службы.

Сдвинув фуражку на затылок, сержант какое-то время рассматривал карандашный огрызок. Потом вздохнул и выдал мне формуляр, а сам снова принялся катать карандаш.

Заполнив бланк, я протянул его сержанту. В графе «Стоимость украденного» было указано «1500».

Сержант углубился в чтение, и я заметил, что массивное лицо его окаменело. Подтолкнув формуляр в мою сторону, он ткнул грязным пальцем в графу «Стоимость украденного» и сипло осведомился:

– Это еще что?

– Стоимость портсигара, – ответил я.

Что-то пробурчав, он внимательно посмотрел на меня, а потом перевел взгляд на формуляр.

– Пиджак порезали бритвой, – пояснил я.

– Да вы что? Пиджак небось тоже за полторы тысячи баксов?

– Костюм стоит триста долларов.

Сержант шмыгнул мясистым носом.

– Сможете описать ребенка?

– Лет девять. Копна черных волос, черная рубашка, джинсы.

– Гляньте на лавку. Есть он там?

Повернувшись, я взглянул на детей. Почти все одеты в джинсы и черные рубашки. Почти у каждого копна черных волос.

– Может, и есть. Они все одинаковые.

– Ага. – Сержант все смотрел на меня. – Не ошиблись со стоимостью?

– Нет, не ошибся.

– Ясно. – Он потер потную шею, а потом положил формуляр на стопку таких же формуляров.

– Если найдем, сообщим. – И после паузы: – Вы надолго?

– На пару-тройку месяцев.

– Помочь мисс Бакстер?

– Совершенно верно.

Сержант смерил меня пытливым взглядом, а потом расплылся в ленивой презрительной улыбке:

– Размечтались.

– Думаете, я так долго не продержусь?

Шмыгнув носом, он снова начал катать карандаш.

– Если найдем, сообщим. Полторы тысячи, да?

– Да.

Сержант кивнул и вдруг раскатисто заорал:

– Ну-ка сидеть смирно, мелкая мразь! Хотите, чтобы я к вам подошел?

Я направился к выходу. Открывая дверь, я услышал, как сержант говорит другому копу, подпиравшему грязную стену:

– Еще один чокнутый.

Было двадцать минут второго. Я поискал ресторан, но на главной улице ресторанов не было. Наконец я решился зайти в бар, битком набитый потными вонючими мужиками, где раскошелился на жирный гамбургер. Мужики с подозрением поглядывали в мою сторону и тут же отворачивались.

Потом, прогулявшись, я выяснил, что достопримечательностей в Люсвилле ровно две: грязь и бедность. Прошелся по району, отмеченному на карте Дженни как «сектор номер пять». Раньше я и не подозревал, что такие места существуют. Мне, жителю Парадиз-Сити, казалось, что я спустился в ад Данте. На каждой улице во мне тут же распознавали приезжего. Люди расступались в стороны, оглядывались на меня и перешептывались. Дети провожали меня свистом, а некоторые – громкими неприличными звуками. До четырех часов я гулял, а потом направился в офис. К тому времени я понял, что Дженни – исключительная женщина. После двух лет в безднах ада она не разучилась тепло и дружелюбно улыбаться. Как по мне, это большое достижение.

Когда я пришел, она сидела за столом и заполняла желтый бланк. Внимательно осмотрев меня, она улыбнулась. Да-да, той самой улыбкой.

– Так-то лучше, Ларри. Гораздо лучше. Присаживайтесь. Поговорим о безобразии под шутивым названием «система регистрации документов». Справитесь с пишущей машинкой?

– Справлюсь. – Я сел. Интересно, стоит ли рассказать про портсигар? Пожалуй, нет. Дженни говорила, что у нее множество своих проблем. Мои ей ни к чему.

Следующий час Дженни вводила меня в курс дела, показывала отчеты и картотеку. И все это время безостановочно звонил телефон.

В начале шестого она схватила несколько бланков, пару шариковых ручек и сказала, что ей пора.

– Закроетесь в шесть. А до шести, если можно, напечатайте вот эти три отчета.

– Хорошо. Куда вы собрались?

– В больницу. Нужно проведать троих старичков. Открываемся в девять утра. Я, наверное, появлюсь только в полдень. Нужно сходить в тюрьму. Действуйте по обстоятельствам, Ларри. И ничему не удивляйтесь. Не давайте себя облапошить. Будут что-то кланчить – помогите советом. Если совета недостаточно, скажите, что вам нужно переговорить со мной. – И она ушла, взмахнув на прощание рукой.

Я же напечатал отчеты, рассортировал их по нужным карточкам и убрал в картотеку. Удивительно, но телефон не зазвонил ни разу: словно чуял, что Дженни нет на месте. Я даже слегка расстроился.

Впереди у меня был весь вечер. Делать было нечего – разве что торчать в гостиничном номере. Поэтому я решил посидеть в кабинете и привести в порядок регистрационную систему. Должен признать, дело не заладилось: я увлекся чтением карточек. Такое ощущение, что передо мной первоклассный детектив. Преступность, нужда, отчаяние, людское горе – все

на месте. Я начал понимать, что творится в пятом секторе этого города, утопающего в облаке смога. Когда стемнело, я включил настольную лампу и продолжил чтение, забыв о времени.

Так увлекся, что не слышал, как открылась дверь. С другой стороны, будь я менее увлечен, все равно бы не заметил. Дверь открывалась медленно, дюйм за дюймом. Лишь когда на стол упала тень, я понял, что в комнате кто-то есть.

Я перепугался. Разумеется, так и было задумано. Наверное, подскочил дюймов на шесть – с моими-то нервами. Выронил ручку, и она закатилась под стол. Я поднял взгляд и почувствовал, как напряглись мышцы живота.

Эту встречу я никогда не забуду. Тогда я не знал, кто передо мной стоит. На следующее утро рассказал все Дженни, и она объяснила: в гости к нам заходил сам Жупел Джинкс.

Представьте себе высокого тощего парня лет двадцати двух. Волосы до плеч, черные, спутанные и засаленные. Лицо цветом напоминает холодный бараний жир. Глаза как черные булабочные головки, посажены совсем рядом с узким носом. На красных губах – расслабленная глумливая улыбочка. Одет в грязную желтую рубаху и странного вида штаны, отороченные мехом. Руки – худые, но мускулистые – покрыты татуировками. На каждом запястье набиты похабные изречения. Талия – тоньше не бывает, а вокруг нее ремень шириной в семь дюймов, утыканный острыми медными шипами. Если хлестнуть таким по лицу, от лица ничего не останется. От парня исходил едкий запах известняка. Казалось, если он потрясет головой, на стол посыплются вши.

Я на удивление быстро справился с испугом. Отодвинул стул, чтобы в случае чего вскочить на ноги. Сердце мое колотилось, но я держал себя в руках. В памяти пронеслись слова Дженни: детишки в этом районе чрезвычайно злобные и особо опасные.

– Привет, – сказал я. – Ты что-то хотел?

– Ты ее новый помощник? – Голос у парня оказался неожиданно низкий. В нем слышалась угроза.

– Верно. Только что приехал. Чем могу помочь?

Он сверлил меня взглядом. За дверью что-то шевельнулось, и я понял, что парень явился не один.

– Пусть и другие войдут. Или стесняются? – спросил я.

– Им и там неплохо. Значит, ты ходил в участок. Верно, Дешевка?

– Дешевка? Решил так меня окрестить?

– Именно так, Дешевка.

– Ну ладно, пусть я буду Дешевка. А ты будешь Вонючка. Договорились?

Из коридора донеслось приглушенное хихиканье, и тут же смолкло. В крошечных глазках Жупела зажегся алый огонек.

– Ты у нас умник.

– Похоже на то, – сказал я. – Не глупее тебя. Верно, Вонючка? Чем могу помочь?

Жупел неторопливо снял ремень и со значением покачал им в воздухе.

– Таким, да по твоей наглой роже, Дешевка. Прикинь? – заметил он.

Резко отодвинув стул, я мгновенно вскочил на ноги и схватил портативную пишущую машинку.

– А вот этим, да по твоей наглой роже? – спросил я.

Пару часов назад я задавался вопросом, легко ли меня испугать. Теперь я знал ответ. Нет, нелегко.

Мы смотрели друг на друга. Потом он так же нарочито вернул ремень на место. Я – тоже медленно и многозначительно – поставил на стол пишущую машинку.

Похоже, мы вернулись к отправной точке.

– Ты тут не засиживайся, Дешевка, – сказал Жупел. – Мы тут таких, как ты, не любим. И к копам больше не ходи. Мы тут не любим, когда такие, как ты, к копам ходят. – Он швырнул

на стол нечто, завернутое в промасленную коричневую бумагу. – Тот debil не понял, что он золотой. – И Жупел ушел, не закрыв за собой дверь.

Я прислушивался, но они исчезли так же бесшумно, как появились. Похоже, нарочно передвигаются, будто призраки.

Что сказать, отрезвляющее приключение.

Развернув бумагу, я увидел свой портсигар. Вернее, то, что от него осталось. Кто-то сплющил его в поцарапанную золотую пластинку. Наверное, кувалдой долбил.

Той ночью, впервые с момента аварии, мне снилась не Джуди. Мне снилась пара глаз, как у хорька. Глаза шныряли по мне, а низкий голос угрожающе повторял:

– Ты тут не засиживайся, Дешевка.

Дженни пришла около двенадцати. Последние несколько часов я усердно трудился над картотекой. Проработал первые семь букв алфавита. Пять или шесть раз звонил телефон. Какая-то женщина мямлила, что ей нужно поговорить с мисс Бакстер, и вешала трубку. Еще у меня было три посетителя; все трое – пожилые дамы в потрепанной одежде. Они смотрели на меня разинув рот, а потом пятились к выходу, приговаривая, что им нужна мисс Бакстер. Я же сиял ярчайшей из своих улыбок и спрашивал, чем могу помочь, после чего они удирали, как перепуганные крысы. Примерно в половине одиннадцатого, когда я колотил по клавишам пишущей машинки, дверь распахнулась. За ней стоял тот самый парнишка, что порезал мой пиджак и украл портсигар. Он показал мне язык, презрительно фыркнул и был таков. Я решил за ним не гнаться.

Когда явилась Дженни, ее улыбка была уже не такой милой. Во взгляде ее читалось беспокойство, а прическа была готова рассыпаться в любой момент.

– В тюрьме большие проблемы, – сказала она. – Меня не хотят впускать. Одна из заключенных съехала с катушек. Ранены двое надзирателей.

– Круто.

Усевшись, Дженни посмотрела на меня.

– Не то слово. – Помолчав, она спросила: – Справляется?

– Конечно. Как будет свободная минутка, взгляните на картотеку. Готов поспорить, вы ее не узнаете.

– Все спокойно?

– Можно и так сказать. Вчера приходил тут один. – Я рассказал про вечернего гостя. – Не узнаете по описанию?

– Это Жупел Джинкс. – Дженни всплеснула руками, а потом беспомощно сложила ладони на коленях. – Быстро он. Фреда не беспокоил целых две недели.

– Фреда? Вашего друга-бухгалтера?

Она кивнула.

– Расскажите, как все было.

Я рассказал, но не стал упоминать про портсигар. Сказал, что Жупел посоветовал мне не засиживаться, мы попугали друг друга, а потом он ушел.

– Ларри, я вас предупреждала. С Жупелом шутки плохи. Лучше вам все бросить.

– А как же вы продержались тут два года? Он что, не пытался вас выжить?

– Конечно пытался. Но у него свой кодекс чести. Женщин он не трогает. К тому же я сказала, что ему меня не запугать.

– Меня тоже не запугать.

Она покачала головой. На лицо ей упала прядь волос, и Дженни нетерпеливо вернула ее на место.

– В нашем городе не стоит петушиться, Ларри. Если Жупел говорит, что вам здесь не место, лучше уезжайте.

– Вы что, серьезно?

– Абсолютно. Пожалейте себя, уезжайте. Я справлюсь. Не нужно все усложнять. Жизнь и так сложная штука.

– Никуда я не поеду. Ваш дядюшка рекомендовал мне сменить обстановку. Понимаю, это звучит эгоистично. Но меня больше волнуют мои проблемы, а не ваши. – Я улыбнулся. – С того момента, как я приехал в ваш город, почти не вспоминал про Джуди. Наверное, это к лучшему. Так что я остаюсь.

– Ларри! Вы можете пострадать!

– И что с того? – Решив сменить тему, я продолжил: – Приходили три старушки. Со мной говорить не захотели. Сказали, им нужна мисс Бакстер.

– Прошу, уезжайте. Говорю же: с Жупелом шутки плохи.

Я взглянул на наручные часы. Пятнадцать минут первого.

– Пора перекусить. – Я поднялся на ноги. – Скоро вернусь. Где у вас в городе подают приличную еду? Пока что мне попадались только гамбургеры.

Дженни озабоченно смотрела на меня, а потом развела руками, признав поражение:

– Очень надеюсь, Ларри, вы понимаете, на что напрашиваетесь.

– Вы говорили, что вам нужна помощь. Что ж, вы ее получите. И давайте не будем драматизировать. Так что насчет хорошего ресторана?

– Ну, как пожелаете. – Дженни улыбнулась. – На Третьей улице, через два квартала налево. Заведение называется «У Луиджи». Хорошим не назовешь, но неплохое. – Тут зазвонил телефон. Дженни переключилась на обычные «да» и «нет», а я ушел.

Съев посредственный обед – мясо было как подошва, – я отправился в отделение полиции.

На скамейке у стены сидел одинокий парнишка лет двенадцати. Под глазом у него был фингал, а кровь из носа капала на пол. Мы обменялись взглядами. В его глазах читалась лютая ненависть.

Я подошел к дежурному сержанту. Тот, сопя, по-прежнему забавлялся с карандашом.

Он поднял взгляд:

– Снова вы?

– Чтобы облегчить вам жизнь. – Я говорил в полный голос, будучи уверен: тот парнишка на скамье – из банды Жупела. – Портсигар у меня. – Я положил золотую пластинку на регистрационный журнал.

Сержант посмотрел на остатки портсигара, взял пластинку в руки, повертел ее в огромных потных пальцах и положил обратно.

– Вчера вечером его вернул Жупел Джинкс, – пояснил я.

Сержант все смотрел на искореженную пластинку.

– Говорит, не сразу понял, что он из золота, – невозмутимо продолжал я. – Видите, во что его превратили?

Не отводя глаз от золотой пластинки, сержант фыркнул:

– Значит, полторы тысячи?

– Да.

– Жупел Джинкс?

– Верно.

Отодвинувшись от стола, сержант сдвинул фуражку на затылок. Какое-то время он смотрел на меня своими пороссячьими глазками, а потом спросил:

– Хотите написать заявление?

– А стоит?

Мы смотрели друг на друга. Я почти слышал, как скрипят жернова у него в голове.

– Жупел признался, что украл ваш портсигар?

– Нет.

Сунув мизинец в левую ноздрю, сержант извлек порцию цементной пыли. Рассмотрев добычу, вытер палец о рубашку.

– Кто-нибудь видел, как Жупел его принес?

– Нет.

Сложив руки на груди, сержант подался вперед и посмотрел на меня со смесью жалости и презрения.

– Знаете, мистер, – просипел он своим надсаженным голосом. – Если планируете задержаться в нашем проклятом городе, писать заявление не советую.

– Спасибо за науку. Значит, не буду. – Я сунул то, что осталось от портсигара, в задний карман брюк. – Решил, что вам следует знать: отныне мой портсигар не считается украденным.

Мы переглянулись, а потом сержант шепнул:

– Только между нами, мистер. На вашем месте я бы свалил куда подальше. Как бы мы ни старались, помощники у мисс Бакстер надолго не задерживаются. Только между нами, ясно?

– А этот, наверное, из банды Джинкса? – Я повернулся к пареньку. Тот слушал во все уши.

– Так точно.

– У него кровь идет.

– Ага.

– Что с ним случилось?

Сержант посмотрел на меня. В поросячьих глазках блеснул холодок.

– Вам какое дело? Если больше нечего сказать – давайте на выход. – И он снова принялся катать карандаш.

Я подошел к парнишке:

– Я работаю вместе с мисс Бакстер из социальной службы. Моя задача – помогать людям. Могу я чем-нибудь тебе...

Не успел я договорить, как парнишка плюнул мне в лицо.

В последующие шесть дней не случилось ничего существенного. Дженни вбегала в кабинет, швыряла на стол желтые бланки, с тревогой спрашивала, все ли у меня хорошо, и снова куда-то убегала. Я не понимал, как она может жить в таком темпе. Еще меня беспокоило, что она всегда носит одно и то же серо-коричневое платье и даже не пытается выглядеть получше.

Я печатал отчеты и продолжал приводить в порядок картотеку.

Должно быть, весть о том, что теперь я официально числюсь помощником Дженни, расплзлась по округе. И ко мне потянулись все кривые, хромые и убогие, каждый со своими бедами. По большей части меня пытались облапошить, но я записывал адреса, краткую суть проблемы и говорил, что передам все Дженни. Как только до них дошло, что обдурить меня не получится, посетители стали лучиться дружелюбием. Следующие четыре дня мне это даже нравилось, но потом я понял, что болтовня отвлекает меня от полезных дел. Так что пришлось вести себя поостроже.

К моему удивлению, меня вполне устраивало быть частью этого мира, о существовании которого я раньше и не подозревал. Я очень удивился, получив письмо от Сидни Фремлина, написанное пурпурными чернилами. Он спрашивал, как у меня дела и не планирую ли я возвращаться в Парадиз-Сити.

Лишь прочитав письмо, я осознал, что и думать забыл про Парадиз-Сити, про Сидни, роскошный магазин и раскормленных богачей-клиентов. Не было смысла рассказывать, чем я занимаюсь в Люсвилле. Если Сидни об этом узнает, он сляжет от горя. Поэтому я написал, что постоянно его вспоминаю (эта фраза обязательно его порадует), все еще сильно переживаю,

но поездка в Люсвилл помогла мне отвлечься, и вскоре я напишу снова. Такое письмо должно утихомирить Сидни примерно на неделю.

На шестой день обстановка переменилась.

Я, как обычно, явился на работу около девяти утра. Дверь кабинета была открыта. Взглянув на замок, я понял, что он сломан. Все мои труды последних шести дней пошли прахом. Аккуратно напечатанные отчеты и карточки грудой валялись на полу, залитые гудроном. Спасти бумаги было невозможно: от гудрона нет спасения.

На столе красовались печатные буквы, написанные моим же красным фломастером:

ВАЛИ ДОМОЙ, ДЕШЕВКА.

Моя реакция удивила меня самого. Думаю, любой на моем месте расстроился бы, впал в отчаяние и смирился с поражением. Но со мной было иначе: я весь похолодел и почувствовал, как по телу разливается волна ненависти. Это что-то новенькое. Я взглянул на плоды своих трудов, уничтоженные тупым озлобленным юнцом, и принял вызов.

Око за око.

Уборка заняла все утро. Я не хотел, чтобы о случившемся узнала Дженни, и действовал стремительно. К счастью, в тот день она ходила по семьям и должна была вернуться не раньше пяти вечера. Я взял канистру бензина и счистил гудрон с пола. Погибшие отчеты и карточки отправились в мусорную корзину.

Время от времени в кабинет заглядывали старушки. Я говорил, что занят и не могу с ними разговаривать. Они, раскрыв рот, смотрели на беспорядок и уходили. Одна, толстуха лет под семьдесят, остановилась в дверях и следила за тем, как я отчищаю пол.

– Позвольте мне, мистер Ларри, – сказала она. – Я к такому привычная.

Я посмотрел на нее, и она исчезла. Наверное, ее отпугнула злоба в моих глазах.

К четырем я все убрал. Звонил телефон, но я не отвечал на звонки. Усевшись, я снова взялся за картотеку.

В пятнадцать минут шестого в кабинет ворвалась Дженни. Она устало рухнула на стул с прямой спинкой, лицом к моему столу.

– Все в порядке? – Она принюхалась. – Бензин? Что случилось?

– Так, мелочи, – сказал я. – Как у вас дела?

– Как обычно. Люди начинают говорить о вас, Ларри. Старикам вы нравитесь.

– Значит, двигаюсь в правильном направлении. – Я откинулся на спинку стула. – Расскажите мне про Жупела. У нас есть его карточка?

Дженни напряженно смотрела на меня.

– Нет. Почему вы спрашиваете?

– Хоть какая-то информация есть? Например, где он живет?

Дженни не сводила с меня глаз.

– Зачем вам знать, где он живет?

Я изобразил непринужденную улыбку.

– Не идет он у меня из головы. Думаю, я мог бы установить с ним контакт, втереться в доверие, так сказать. Ну то есть подружиться. Как считаете?

Дженни покачала головой:

– Нет! Ни в коем случае! С Жупелом пока что никому не удавалось подружиться. Вы мыслите не в том направлении, Ларри.

Замолчав, она пытливо взглядела на мое лицо:

– Что стряслось?

– Стряслось? – Я улыбнулся. – Просто думаю: вдруг мне удастся провести спасательную операцию. Если бы я мог поговорить с ним... Но сделаю, как скажете. Вам лучше знать.

– Вижу, что-то случилось! Я же его знаю! Прошу, расскажите!

– Ничего не случилось. Сказать, Дженни, в чем ваша беда? Вы склонны все драматизировать. – Я снова улыбнулся. Внезапно на меня накатило вдохновение. – Может, поужинаем вместе? Если у вас нет других дел.

Она широко раскрыла глаза:

– Поужинаем? С радостью.

По лицу Дженни я понял, что ее впервые приглашают на ужин в этом Богом забытом городе.

– Должно же быть место, где подают приличную еду. Только не «У Луиджи»: мне там не понравилось. Куда бы нам сходить? Ценник не вопрос.

Дженни хлопнула в ладоши:

– Что, правда? Ценник не вопрос?

– Чистая правда. У меня полно денег, и с приезда я толком не тратился.

– Есть один ресторан в пяти милях от города. Называется «Плаза». Сама я там не была, но люди рассказывали. – Дженни всплеснула руками, и я понял, что она волнуется, как девочка.

– Отлично. Я все устрою.

Дженни бросила взгляд на часы и вскочила:

– Пора бежать. Через пять минут у меня встреча.

– Значит, сегодня в восемь. Я буду на машине. Договорились?

Улыбнувшись, она кивнула и исчезла.

На какое-то время я погрузился в размышления. Потом набрал номер полицейского участка и попросил соединить с дежурным сержантом. После недолгой паузы в трубке раздался сиплый голос.

– Это Карр. Помните меня? – спросил я.

Сержант тяжело задышал.

– Карр? Полторы тысячи, верно?

– Он самый. Не подскажите, где ошивается Жупел Джинкс? Где у него логово?

Помолчав, сержант спросил:

– А вам зачем?

– Хочу с ним связаться. Есть разговор.

– Нарывается на неприятности, мистер?

– Если вдруг забыли, я соцработник, – сказал я. – И мне нужна информация.

Повисла долгая пауза. Я представил, как сержант, погрузившись в размышления, катает по журналу свой карандаш. Наконец он сказал:

– Соцработник. Ну да, ну да. – Снова помолчав, он продолжил: – Лексингтон, двести сорок пять. Там он живет. Банда собирается в кафе «У Сэма» на Десятой улице. – Сержант тяжело подышал в трубку и предупредил: – Не нарывайтесь, мистер. Разбираться с городскими проблемами придется нам, а мы не очень-то работающие.

– Понимаю, – сказал я и повесил трубку.

Нашел в справочнике номер ресторана «Плаза» и заказал столик на восемь сорок.

Но Жупел меня опередил.

В восемь Дженни была в гостинице. Я едва ее узнал. Волосы ее были заплетены в тугую косу, и теперь я видел, что у Дженни очень красивая форма головы. Черно-белое платье превратило замухрышку в весьма привлекательную женщину. Дженни выжидающе смотрела на меня и улыбалась. Очевидно, она была очень довольна собой.

– Ну как, сойдет?

Я тоже надел один из лучших своих костюмов.

Подумать только. Впервые после Джуди я выхожу в свет с дамой.

– Прекрасно выглядите, – сказал я. И это была не шутка.

Мы направились к моему «бьюику».

Все шины были спущены, а водительское сиденье исполосовано бритвой. На ветровом стекле белой краской было написано:

ДЕШЕВКА, ВАЛИ ДОМОЙ.

Понятно, вечер не задался. Дженни расстроилась из-за машины. Я же вел себя как ни в чем не бывало, успешно скрывая жаркую ненависть к Жупелу. Отвел Дженни назад в гостиницу, усадил в продавленное бамбуковое кресло и позвонил в «Херц», чтобы арендовать автомобиль. Через пятнадцать минут нам подогнали машину. Пока мы ждали, я старался успокоить Дженни.

– Послушайте, ничего страшного не произошло, – говорил я. – «Бьюик» приведут в порядок, это несложно. Берите пример с меня – просто забудьте об этом.

– Ларри! Разве вы не понимаете, что, пока вы здесь, это чудовище не оставит вас в покое? Вам нужно уехать! Вдруг дело дойдет до физической расправы? Я его знаю. Он злодей! Ни перед чем не остановится. Он...

– Дженни! – резко оборвал я. – Сегодня мы с вами едем ужинать. Давайте не будем про Жупела. Поговорим о нас с вами. Вы прекрасно выглядите. Почему же вы всегда ходите в том ужасном сером платье?

Внимательно посмотрев на меня, Дженни беспомощно пожала плечами.

– Ах вон оно что. Взгляните на горожан. Серое платье – это мимикрия. Помните, я попросила вас надеть джинсы и толстовку? Нужно одеваться согласно своей роли.

– Да. – Я понял, о чем она. – Спустя восемь дней я начинаю видеть всю картинку. Вы и правда думаете, что этим людям можно помочь? Нет, погодите. Я же сказал, что начинаю видеть картинку. Ваши подопечные – обычные попрошайки. Постоянно что-то выгадывают. Только и умеют, что брать. Разумно ли тратить на них столько сил? У вас не складывается ощущения, что вы бежите вверх по эскалатору, который едет вниз?

Подумав, Дженни тихо ответила:

– Ну, кто-то должен этим заниматься. Одному из пятидесяти действительно нужна помощь. Если смогу ему помочь – значит работаю не напрасно.

Прибыл наш автомобиль. Я расписался в договоре, и мы уехали из города.

Ресторан «Плаза» стоял на склоне холма с видом на огни Люсвилла. Роскошное, дорогое заведение с приличной кухней. Оркестр исполнял негромкий свинг. Народу было множество. Тучные мужчины преклонного возраста и заплывшие жиром дамы старательно перекрикивали друг друга. В общем, все как в Парадиз-Сити.

За едой разговор особенно не клеился. Думали про испорченную машину, про Жупела и беспросветную жизнь Люсвилла, но держали эти мысли при себе.

Когда я отвез Дженни домой, на часах было 23:00.

Она поблагодарила меня за приятный вечер. По глазам было видно, как она встревожена.

– Ларри, будьте благоразумны. Прошу, поезжайте домой.

– Я об этом подумаю. Давайте как-нибудь повторим. – Я коснулся ее руки. – В следующий раз повеселимся на славу.

От Дженни я поехал в гостиницу. Переоделся в толстовку и джинсы. Спустился в фойе и спросил грустного цветного паренька, как мне искать Десятую улицу. Он посмотрел на меня так, будто я спятил. Я повторил вопрос, и он ответил, что дотуда полчаса пешим ходом. Начал было рассказывать дорогу, но я не дослушал. Вышел в жаркую, припорошенную цементной пылью ночь и поймал такси.

В 23:35 я был на Десятой улице. Расплатился с таксистом и пошел по тускло освещенному тротуару, уставленному мусорными баками. Смерд стоял такой, словно в каждом баке было по гниющему трупу.

По улице слонялись люди – в основном пожилые пьянчужки, старухи, бездомные. Я прошел чуть дальше, и картина изменилась. На грязном тротуаре появились едкие белые лужицы: отражение неоновых огней. Я сдвинулся в тень и продолжил путь мимо сомнительных заведений, стриптиз-клубов, порнокинотеатров, кафе и баров. Эта часть города была наводнена молодежью. Длинноволосые парни и девчонки распутного вида бесцельно шатались по улице и горланили. Почти у всех были транзисторы. Из динамиков гремели зубодробительные поп-мелодии.

Я прошел еще дальше и увидел мерцающую вывеску: «КАФЕ „У СЭМА“».

Держась в тени, миновал кафе.

Возле здания рядом стояли восемь мотоциклов: блестящие мощные «хонды». На рулях висели защитные шлемы. В кафе было полно молодежи в модных шмотках. И там было очень шумно.

Я дошел до конца улицы, развернулся и направился обратно. Проходя мимо темного зловонного подъезда, шагнул внутрь. Оттуда мне было видно кафе. Прислонившись к стене, я ждал. Тлевший внутри гнев обратился в лесной пожар. Я все думал о гудроне на карточках и о своей машине.

Около полуночи публика высыпала из кафе на тротуар. Подростки с криками забегали по улице. Следом вышли восемь парней щеголеватого вида. Жупел был у них за главного.

Все были одеты одинаково: желтые рубашки, отороченные мехом штаны и широкие шипастые ремни. Усевшись на «хонды», парни надели шлемы. Ночь разорвал дьявольский рев моторов. Мотоциклисты умчались прочь с таким грохотом, словно началась Третья мировая война.

Я запомнил номер «хонды» Жупела, а потом вернулся к началу улицы, сел в то же самое такси и поехал в гостиницу. Растянулся на неудобной кровати и принялся ждать. Выкурил бесчисленное количество сигарет. Пожар внутри меня разгорался все сильнее. Около трех ночи я встал с кровати и тихонько спустился в фойе.

Дежурный администратор крепко спал. Я вышел на душную улицу и отправился искать такси. Пришлось шагать до главной улицы. Водитель дремал за рулем.

Я велел ему отвезти меня в Лексингтон. Поездка заняла минут десять. Люсвилл погрузился в сон, и дорога была совершенно свободной.

Возле нужной улицы водитель остановился.

– Не уезжайте, – попросил я. – Скоро вернусь.

Думаю, на таких улицах крысы плодятся особенно хорошо. По обеим сторонам дороги – многоквартирные дома со старомодными пожарными лестницами, такие высокие, что неба почти не видно. Повсюду смердящие мусорные баки, тротуар завален обрывками газет, а в сточной канаве – использованные презервативы и гигиенические прокладки.

Шагая по тихой пустынной улице, я добрался до здания с табличкой «245». Логово Жупела. Увидев у бордюра блестящую «хонду», я остановился и взглянул на номерной знак.

Вот она, Жупелова гордость и отрада.

Оглянувшись, я убедился, что свидетелей нет. Разве что тощий шелудивый котяра, да и тот шмыгнул в переулок.

Я завалил «хонду» набок и открыл крышку бензобака. Когда вокруг мотоцикла натекла порядочная лужа, я отступил, зажег спичку и бросил ее в бензин.

Глава третья

Следующим утром по пути на работу я зашел в скобяную лавку и купил черенок для тяпки. Принес его в кабинет и поставил сбоку от стола – так, чтобы не было видно, но я мог бы схватить его одним движением. Решил, что такая штуковина мне не помешает.

Около десяти в кабинет влетела Дженни в своем сером платье, зажав в руке желтые формуляры. Даже не верилось, что с этой же дамой я вчера сидел в ресторане.

Она еще раз поблагодарила меня за ужин и спросила, хорошо ли мне спалось. Я соврал, что хорошо, хотя на самом деле почти не спал. Дженни глянула, чем я занят, и на лице ее мелькнуло удивление: ведь сейчас я был только на третьей букве алфавита. Я не собирался рассказывать, что Жупел угробил всю мою работу. Потом Дженни ушла.

Навострив уши, я колотил по клавишам пишущей машинки.

Часов в одиннадцать объявился Жупел, а с ним – семеро дружков. Они пришли так тихо, что застали меня врасплох. А ведь я их ждал и прислушивался очень внимательно.

Если бы не садистская страсть к выпендрежу, Жупел не оставил бы мне шансов. Его подвела уверенность в собственных силах. Тем более что за спиной у него было семеро крепких парней.

Встав перед столом, он злорадно смотрел на меня. Его крошечные глазки лучились злобой и ненавистью.

Он начал медленно снимать ремень.

– Ну что, Дешевка, пробил час расплаты.

К этому моменту я уже совладал с шоком.

Если бы Жупел вошел в кабинет, размахивая ремнем, я не успел бы среагировать. Но ему хотелось посмотреть, как я буду молить о пощаде.

Вскочив, я пинком отшвырнул стул, схватил черенок и ударил врага – все одним стремительным движением.

Плеть, что я мог его убить. Я вложил в удар силу обеих рук и вес всего тела. Пусть знает, что во мне тоже бурлит гнев.

Черенок пришелся ему в скулу. Два передних зуба шлепнулись на стол. Из носа брызнула кровь. Челюсть треснула и повисла. Закатив глаза, Жупел рухнул на пол и остался лежать бесформенным смрадным мешком.

Я не стал его разглядывать. Выпрыгнул из-за стола, словно разъяренный бык, размахивая окровавленным черенком для тяпки.

Семеро приятелей Жупела рассыпались по коридору. Я разил направо и налево. Разум мой помутился от ярости.

Пустившись в бегство, спотыкаясь друг о друга, они помчались вниз по лестнице. Я следовал за парнями до второго этажа, колотя их по сторбленным спинам.

Там я остановился, а они побежали дальше, словно перепуганные крысы. Которыми, собственно говоря, и были.

Из дверей высовывались люди. Они глазели на меня, когда я поднимался на шестой этаж и возвращался в кабинет.

Мне очень не хотелось прикасаться к Жупелу, но нужно было убрать отсюда эту мерзость. Ухватившись за сальные волосы, я выволок бесчувственное тело в коридор и оттащил к лестнице. Там я выдал ему пинка. С грохотом скатившись вниз, Жупел распластался на следующей площадке. Из носа у него шла кровь, да и в остальном он чувствовал себя хуже некуда.

Вернувшись в кабинет, я спрятал черенок в шкаф, после чего позвонил в полицию.

Спросил дежурного сержанта.

– Это Карр. Помните меня? Пятнадцать сотен баксов. – Я слушал, как сержант тяжело дышит, переваривая эту информацию.

– Чего вы хотите на этот раз? – наконец спросил он.

– К нам заглядывал Жупел. Хотел подровнять мне лицо своим шипастым ремнем. Пришлось его приструнить. Думаю, вам лучше прислать сюда «скорую». Ему нужна медицинская помощь и надлежащий уход. – Я повесил трубку.

Какое-то время я сидел неподвижно, восстанавливая душевное равновесие. Смотрел на свои руки, лежащие на грассбухе, и видел, что они не дрожат. Я чувствовал себя совершенно расслабленным, как после хорошей партии в гольф. Удивительно. Вся схватка продлилась две минуты. Три недели назад я счел бы это нереальным. Сегодня же я сцепился с восемью бандитами. Одного покалечил, а остальные разбежались. Теперь, когда все закончилось, от шока не осталось и следа. Разве что хотелось курить, и я закурил. Потом вспомнил, что через час вернется Дженни. Взял в шкафу тряпку и вытер с пола кровь.

Едва я успел выбросить тряпку в корзину для мусора, с улицы донесся вой сирены «скорой помощи».

Я не потруился выйти в коридор. Сидел за машинкой и продолжал возиться с карточками.

Через какое-то время в кабинет вошли двое копов.

– Что происходит? – спросил один. – Что у вас стряслось?

Оба ухмылялись. Видно было, что они вполне довольны.

– Сюда явился Жупел. Начал безобразничать. Пришлось поставить его на место, – сказал я.

– Ага, мы его видели. Пошли, приятель. Сержант хочет с вами побеседовать.

По дороге в участок мне сообщили результаты последнего футбольного матча. Мои спутники вели себя очень дружелюбно, даром что копы.

Я подошел к дежурному сержанту. Он все еще катал карандаш по журналу, но на сей раз не вкладывал в это занятие всю свою душу.

Искоса глянув на меня, он фыркнул, почесал правую подмышку и произнес:

– Ну, выкладывайте. Что случилось?

– Я уже рассказал по телефону, сержант. Явился Жупел, с ним семеро ребят. Начал мне угрожать. Я его вышвырнул, а ребята сбежали. Вот и все.

Внимательно посмотрев на меня, он сдвинул фуражку на затылок и то ли усмехнулся, то ли хрюкнул.

– Только что поступил отчет из больницы, – сказал он. – У подонка выбита челюсть, сломан шнобель, не хватает восьми зубов. Повезло, что жив остался. – Сержант взглянул на меня в глаза. – Чем вы его, кирпичом?

– Он так торопился, что упал с лестницы, – невозмутимо ответил я.

Сержант кивнул:

– Небось поскользнулся.

– Наверное.

Мы помолчали, а потом я сказал:

– Жупел хотел ударить меня ремнем по лицу. Видели его ремень? Весь в шипах.

Не отводя глаз, сержант кивнул снова.

– Ну так что, будем его оплакивать? – продолжал я. – Могу прислать ему цветы. Конечно, если это необходимо.

Сержант снова принялся катать карандаш.

– Он может заявить на вас за нападение. Нам придется провести расследование.

– Давайте подождем, пока заявит.

Обшарив меня порсячими глазками, сержант оставил карандаш в покое.

– А что, это мысль. – Отвернувшись, он провел взглядом по пустому помещению. Мы были одни: по некой загадочной причине никому из горожан в тот момент не требовалась помощь полиции. Подавшись вперед, сержант просипел: – У нас в городе каждый полицейский мечтал проделать с этим стервецом то же, что проделали вы. – Его рыхлая физиономия расплылась в широкой дружелюбной ухмылке. – Но вы поосторожнее, мистер Карр. Жупел, он никогда и ничего не забывает.

– У меня полно работы, – сказал я, сделав каменное лицо, хоть меня и захлестнула волна ликования. – Я пойду?

– Да, конечно. – Сержант откинулся на спинку стула. Взгляд его стал задумчивым. – Сегодня ночью один таксист видел, как горит мотоцикл Жупела. Знаете об этом происшествии?

– А должен?

Сержант кивнул:

– Правильный ответ. Но вы полегче, мистер Карр. Полиция обязана блюсти закон и порядок.

– Как выдастся минутка, расскажите об этом Жупелу.

Мы посмотрели друг на друга, и я ушел.

Вернувшись в кабинет, я обнаружил там Дженни, бледную и дрожащую. Разумеется, она уже все знала. Я и не надеялся замять такое дело.

– Вы могли его убить! – воскликнула она. – Что вы с ним сделали?

– Он начал безобразничать. Я поставил его на место. – Я подошел к столу и уселся. – Он давно нарывался. Я говорил с полицейскими. Они рады, как детишки на утреннике. Так что предлагаю забыть про Жупела.

– Нет! – В глазах Дженни загорелся гнев. Такого я не ожидал. – Считаете себя героем, да? Вы не герой! Я знаю, что вы сожгли его мотоцикл! Сломали ему нос и челюсть! Вы такой же злодей, как и он! Вам нельзя здесь оставаться! Портите все, что я пытаюсь сделать! Я хочу, чтобы вы уехали.

Я удивленно смотрел на нее.

– А сейчас вы должны сказать, что отправляетесь в больницу, чтобы подержать раненого за руку.

– Попрошу без глупых шуток. Я хочу, чтобы вы уехали!

Я начал было сердиться, но взял себя в руки.

– Дженни, просто взгляните на факты. С такими, как Жупел, нужно обращаться как с животными. Потому что они и есть животные. Предположим, я бы остался сидеть, и он разодрал бы мне лицо своим ремнем. Вы остались бы довольны?

– Вы его чуть не убили! Хватит разговоров! Вставайте и убирайтесь отсюда!

– Хорошо. – Я встал из-за стола. – Еще пару дней я буду в гостинице. – У двери я остановился и посмотрел на Дженни. – Знаете, в чем беда? Добряки редко бывают реалистами. Жупел – дикий зверь. Если вам так хочется, подержите его за руку. Я не против. Каждый имеет право на свое мнение. Но будьте осторожны. На свете нет животного опаснее, чем Жупел.

– Я не желаю это выслушивать! – Дженни повысила голос. – Зря дядя прислал вас сюда! Вы непригодны для социальной работы! Не понимаете и никогда не поймете, что люди ценят доброту! Я работаю здесь два года, а вы – десять дней. Вы...

И тут я выпустил свой гнев на волю.

– Стоп! – Мой резкий окрик оборвал ее причитания. – Чего вы добились своей добротой? Людям плевать на доброту! Им от вас нужна подачка: талон на обед или милостыня. Они примут подачку, даже если вы презрительно ее швырнете! Все эти женщины, что вас донимают... они же просто паразитки! Вы уверены, что они не смеются над вами? Жупел терроризирует ваш

сектор уже много лет. Даже полиция не могла с ним справиться. А я справился. Задумайтесь, и поймете, что за эти десять дней я сделал для пятого сектора больше, чем вы – за два года!

– Убирайтесь!

Я понимал, что обидел ее, но мне было все равно. Я сделал дело, на которое у всех в этом паршивом городе была кишка тонка. Я прижал Жупела Джинкса. Прижал его как следует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.